

— А ведь тот мог быть и своим, — заметил Долгов от волнения.

— Ночью немца по запаху надо различать, — пошутил я. Сам продолжал двигаться, перебегая от дома к дому в направлении железнодорожного полотна, где уже закреплялась рота старшего лейтенанта Голузова, преследуя огнем отходящих немцев.

Всю ночь батальон вел бой с разрозненными группками немцев. И только на рассвете поселок в основном был очищен от фашистов. Несколько немецких солдат было взято в плен. Роты сосредоточились на исходной позиции для дальнейшего наступления вдоль насыпи железнодорожного полотна, что западнее поселка. Многие жители выбирались из погребов и радостно встретили наших солдат.

Когда батальон перебежками двинулся вперед, заговорили немецкие пушки и минометы. Особенно большая огневая завеса была дана вдоль реки Миус. Несмотря на большие трудности, батальон напротив первого железнодорожного моста форсировал реку Миус. Однако, чем больше рассветало, тем больше свирепел немец. На снежном поле мы были как на

ладони и враг не замедлил этим воспользоваться.

Вспоминая сейчас об этом бое, его активный участник, бывший командир роты нашего батальона, ныне журналист, работник газеты «Псковская правда» Анатолий Тимофеевич Голузов писал мне:

«И все начиналось хорошо. С темнотой по укрепленному саперами льду перебрались через Миус, развернулись. Ты сам был в гуще цепей, поторапливал нас. Поле на наше счастье застигла мгла и под прикрытием ее мы уже подходили к высоте. Цель наша была близка, уже сама высота вырисовывалась перед нами, но тут рассеялся туман, проглянуло первое солнце, а вместе с ним минометными залпами заговорила, ожила высота. Смерч разрывов накрыл наши первые цепи, но мы продолжали двигаться, ускорили шаг, старались выйти из-под мин. И мы, кажется, уже сделали это, самая густая стена разрывов осталась позади, но в

Бойцы вспоминают...

ПАМЯТНЫЙ ДЕНЬ

это время с высоты ударили пулеметы, тонко запели пули.

Рядом со мной подкосился один боец, без крика, схватившись за грудь, упал второй, третий. Мы залегли. Этого, казалось, и поджидали немецкие минометчики: они перенесли огонь на нас, застывших у высоты».

Я помню пытался поднять батальон, понимал, что только движение вперед могло нас спасти. Мне удалось увлечь за собой некоторую часть храбров. Потом я пытался с частью бойцов вырваться на высоту со стороны своего правого фланга.

И дальше Анатолий Голузов вспоминал:

«Потом, помнишь, Нил, ты собрал остатки батальона в небольшой посадке правее. Ямы были какие-то. В одной из них ты сам разместился, кажется с телефонистом, тут решил привести нас в порядок и снова атаковать высоту, и опять минный шквал. Храбро сражались сол-

даты, но сильный огонь мешал взять высоту противника.

К концу боя мы получили приказ: оставить на реке боевое охранение, а основные силы отвести на рубеж насыпи железнодорожного полотна, где и совершенствовать оборону. Чувствовало командование, что не избежать нам контратаки немцев. Вечером адъютант батальона Николай Шапков (он ныне живет в городе Краснодаре), стараясь побороть овладевшую им грусть, сказал:

— А все же Матвеев-Курган наш. Победили, товарищ комбат, отметим все-таки день рождения.

На третий день после торжества, я и Анатолий Голузов шли в редакцию районной газеты «Звезда». Поднявшись на железнодорожную насыпь и пропустив с шумом удаляющийся электропоезд, мы долго смотрели на Волкову гору, именовавшуюся на картах 105,7.

Прошло с тех пор 27 лет. Мне 19 декабря исполняется 49. Но те дни не забыть.

Н. ЗАЙЦЕВ,
гвардии майор запаса.
г. Москва.